

Некоторые сопоставления могут быть проведены и в области культурной лексики: 'свинья' *boi* гессерский, *boi* горомский (Вост. Серам), *boyi* горонтало (Сев. Сула-веси); *bay* ламма, *bei* кун, *be* благар, недебанг, *pe* воисика; *je* кафоа.

'собака' *piap-pat* сети, *paŋaŋ* ламбата, фуфа (Вост. Серам), *pnyo* макнан-далам (или восточномакнанский); *wahgi* воисика

'собака' *kaŋina* гессерский, *aŋina* ватубела, *apula* горонтало; *yabbal* ламма, *jabar* кафоа, *yebar* тева, *burr* недебанг, *bel* кабола.

Наконец, возможно, что определенные параллели можно найти даже среди второй неаустронезийской группы языков Восточной Индонезии, северохальмахерской, с которой, как пока представляется, тиморо-алорские языки никак не связаны. На это могут указывать, в частности, следующие примеры:

'ухо' *hap* тернатанский, *haiw* галела; *paŋa'* воисика, *пайŋal* ламма, *paŋel* благар, *newer* келон

'язык' *aki* тернатанский; *paŋey* воисика.

В любом случае очевидно, что изучение недавно выявленной алоро-пантарской семьи, или, видимо, более точно, алоро-пантарской подсемьи тиморо-алорской семьи языков, только начинается и перспективным может оказаться любой путь ее исследования. Несомненно, впрочем, ее принадлежность к массе папуасских языков, в которой, как утверждает С. Вурм, она соотносится с трансновогвинейской филой¹².

Этнолингвистическая ситуация на Алоре и Пантаре в настоящее время характеризуется постепенным вытеснением местных неаустронезийских языков алорским и, по сведениям В. А. Л. Штокхофа, в еще большей степени индонезийским языком, которым в основном пользуются как языком общественной жизни и как средством общения для потомства этнически-смешанных браков. Широко распространены двуязычие и многоязычие, характеризующиеся знанием нескольких местных языков, алорского и индонезийского (стр. 8). Из статистических данных, приведенных в книге, явствует, что из примерно 125 тыс. чел., населяющих острова Алор и Пантар, примерно 45—50 тыс. чел. говорят на алорском языке, остальные, т. е. примерно 75 тыс. чел., — на алоро-пантарских языках.

Книга снабжена двумя картами, одной языковой и одной административно-политической, списком в 117 слов на 33 идиомах (включая диалекты), практически исчерпывающей библиографией по языкам региона и смежным проблемам (хотя она насчитывает всего 37 наименований) и резюме на индонезийском языке.

¹² С. А. Вурм. Лингвистическая ситуация в новогвинейском регионе. — «Сов. этнография», 1976, № 1, с. 55.

М. А. Членов

В. П. Курылев. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М., 1976, 147 с.

Книга В. П. Курылева продолжает серию публикаций, подготовленных сотрудниками Института этнографии АН СССР по этнографии Турции. Автор поставил перед собой существенную и необходимую задачу — впервые на конкретном этнографическом материале исследовать характер и реальные условия трудовой деятельности сельского населения Турции в новейшее время, изучить его основные занятия, рассмотреть особенности материальной культуры и важные стороны быта турецких крестьян. Тема рецензируемой работы весьма актуальна. Достаточно напомнить, что и в настоящее время около 70% самостоятельного населения Турции занято в сельском хозяйстве. Естественно, что показ картины современного состояния традиционного земледелия, скотоводства, домашних промыслов и ремесел у турок, изучение типов поселений, жилища, одежды, пищи крестьян представляют большой познавательный и научный интерес.

Основным материалом для написания монографии послужили издания на русском, турецком и западноевропейских языках. Ряд лакун в работе объясняется тем, что В. П. Курылев не имел возможности сам проводить полевые изыскания в Турции (об этом он упоминает во введении), и это поставило его в зависимость от имеющихся письменных данных. Однако отрядным в подобной ситуации является тот факт, что в книге широко использованы труды турецких и западных авторов, живших среди крестьян в той или иной части Турции и создававших свои работы на основе полевых материалов. Помимо этнографической литературы В. П. Курылев привлекает социологические исследования, базирующиеся на индивидуальном опросе информаторов, обработке анкет, сборе точных статистических сведений.

Книга состоит из введения, восьми глав, заключения и приложения. Во введении определены задачи работы, дан критический обзор литературы и источников.

В первой главе автор, проанализировав природно-климатические условия страны, а также структуру размещения сельскохозяйственных культур и районов развитого скотоводства, фиксирует три культурно-хозяйственные зоны и приводит обстоятельное описание их современного состояния. В данном случае было бы целесообразно использовать принятую в советской этнографии терминологию, связанную с учением о хозяйственно-культурных типах.

Важной частью монографии является глава о социально-экономических отношениях в турецкой деревне. Развитие капиталистических отношений в ней переплетается с пережитками феодализма, сохраняющимися в форме крупного помещичьего землевладения и мелкого крестьянского землепользования. В. П. Курылев описывает конкретные примеры проявления издольной системы обработки почвы, бытования продуктовой и отработочной форм ренты. Большая заслуга автора заключается в том, что он анализирует новые интересные материалы об общинных пережитках в турецкой деревне (как в рамках поземельных отношений, так и в коллективной собственности на оросительные сооружения и т. д.), не нашедшие ранее отражения в современной литературе, за исключением отдельных упоминаний, в частности в работах П. П. Моисеева, И. И. Соколова и др.

В. П. Курылев раскрывает избранную для исследования тему монографии, прослеживая процессы, происходящие в турецкой деревне в республиканский период Турции до 60-х годов включительно. В работе предпринята попытка отметить некоторые изменения в структуре сельского хозяйства Турции в ходе его развития по капиталистическому пути. Автор, например, прослеживает распространение в Центральной и Восточной Анатолии разведения овец, в частности, культуры картофеля, и показывает постепенное превращение овощеводства в товарную отрасль хозяйства, а также выявляет черты аналогичной трансформации хозяйства деревень пригородной зоны, приобретающего все более характер мясо-молочного производства с целью обеспечения нужд города. В соответствии с ростом капиталистической потребности в новых технических культурах активнее распаиваются земли, находящиеся под пастбищами и лугами, что в свою очередь приводит к сокращению поголовья скота.

В главе, посвященной земледелию, исследователь уделяет внимание двум его характерным особенностям — оазисному типу и необходимости во многих районах искусственного орошения. Отмечая зависимость сельскохозяйственного производства от уровня применяемой техники, В. П. Курылев отводит значительную часть главы описанию традиционных орудий труда, системы севооборота, цикла сельскохозяйственных работ, основных сельскохозяйственных культур. Исследование часто сопровождается анализом терминологии, бытующей в крестьянской среде, сохраняющейся в турецком литературном языке и в диалектах. Например, ряд терминов, связанных с искусственным орошением, происходит из греческого языка, что служит одним из аргументов в пользу гипотезы автора об «автохтонном» характере системы ирригации в Анатолии. Развивая далее тезис о взаимовлиянии и взаимопреимственности разных этнических культур, В. П. Курылев приходит к предположению о малоазийском происхождении турецкого плуга карасабан. Эта мысль автора вызывает значительный интерес. Однако было бы желательно высказанное на стр. 36 мнение о том, что «... турецкий плуг отличается от основного пахотного орудия народов Средней Азии — омача», подкрепить более развернутой характеристикой и в приложении дать таблицу, сопоставляющую турецкий карасабан и омача.

В. П. Курылев подходит к каждому затрагиваемому им вопросу с конкретно-историческими позициями. В главе о животноводстве, например, можно почерпнуть целый ряд конкретных сведений о существовании скотоводства на территории Малой Азии с глубокой древности до распространения его в настоящее время в Турции, о видах и подвидах мелкого и крупного рогатого скота, о формах выпаса, средней численности отары, удоях молока, периодах лактации, условиях стрижки, различных способах холощения и лечения скота и т. д. Говоря о терминологии, относящейся к скотоводству, автор справедливо подчеркивает, что наличие большого количества терминов по половозрастным признакам свидетельствует о старых кочевых традициях. Специально рассматривается вопрос о свиноводстве в Турции и о влиянии религиозных взглядов на развитие этой отрасли животноводства. Интересны данные о роли пастухов, их положении и правах в деревне, форме оплаты и др. Для написания подобной главы автору потребовалось по крупницам собирать материал, объединять и сопоставлять факты и на этой основе делать научные обобщения.

В. П. Курылев уделяет большое внимание генезису различных элементов турецкой культуры. На реальном вещественном материале он старается подтвердить мысль академика В. А. Гордлевского о том, что «...на современных анатолийских турках... отображаются элементы многонационального прошлого страны, подвергшейся культурным воздействиям веков и народов» (стр. 131). Этот поиск автора представляется плодотворным и дает интересные результаты, хотя не все выводы одинаково бесспорны. Исследователь рассматривает явления в динамике, обнаруживая за ними борьбу традиционного и нового, пытается выявить генезис тех или иных орудий труда, предметов быта, видов занятий, которые складывались на протяжении истории у турок. Автор приходит к совершенно правильному выводу, что в настоящее время в материальной культуре сельских жителей Турции преобладают традиционные черты, хотя и появляются элементы нового. Так, пищевой рацион крестьян носит целиком традиционный характер. Интерьер жилища у основной массы деревенского населения сохраняет прежний облик. Лишь для кулацко-помещичьей прослойки характерны такие приметы модернизации быта, связанные с буржуазным развитием Турции, как радиоприемники, железные кровати, швейные машины, сепараторы и т. п. В крестьянской одежде происходят постепенные изменения: мужской костюм утрачивает свое национальное своеобразие, сменяясь дешевой одеждой фабричного производства. Крестьянское женское платье более консервативно.

Глава, посвященная одежде, написана преимущественно на основе коллекции предметов по культуре и быту турок, хранящейся в фондах Музея антропологии и этнографии АН СССР. Широкое использование коллекционных материалов МАЭ является неоспоримым преимуществом монографии, так как, например, именно обращение к ним позволило В. П. Курылеву в главе о домашних промыслах опровергнуть ошибочное мнение американского ученого В. Бирелла о том, что веретена с крестообразным пряслищем встречаются только в Северном Китае (стр. 80). В действительности они широко распространены у ряда народов Передней и Средней Азии. Касаясь столь характерного для Турции вида ремесла, каким является ковроткачество, автор опровергает установившееся мнение об отсутствии по религиозным мотивам на турецких коврах изображений людей и животных. Опираясь на фактические свидетельства, он выявляет изображения на турецких коврах живых существ, хотя и подвергшихся значительной стилизации. В недавно вышедшей в Турции книге опубликовано значительное число стилизованных изображений животных и птиц в орнаменте турецких ковров, а также крестьянских носков и чулок¹, что подтверждает мысль В. П. Курылева.

В заключительном разделе В. П. Курылев, основываясь на анализе всего предшествующего материала, в особенности терминологического, делает общий вывод о том, что «...культура и быт современного турецкого народа являются результатом слияния древней оседлоземледельческой цивилизации малоазиатских народов со скотоводческой культурой тюркоязычных кочевников» (стр. 131). Это важное теоретическое положение автора открывает возможность для дальнейших типологических исследований на основе сравнительного изучения культур древних малоазиатских этносов и среднеазиатских тюркоязычных народов.

Примененный В. П. Курылевым в процессе работы над монографией метод анализа терминологии, в целом давший весьма положительные и существенные результаты, в некоторых случаях требует дополнительного обоснования предложенных толкований. Например, по поводу бытующего в Турции термина *имедже* (означающего коллективный труд, взаимопомощь), автор приводит мнение А. Титце, который производит это слово от греческого «имедия» — половинить, т. е. «принимать участие», «помогать» (стр. 27). Следует, однако, иметь в виду, что слово «имедже» и близкие к нему производные (как правило, с тем же значением) встречаются в целом ряде тюркских языков; следовательно, возможность его тюркского происхождения не может быть отброшена. То же можно сказать о турецком термине *бреке* (прялка), который А. Титце выводит из греческого *роха* (стр. 80)².

Рецензируемая книга снабжена ценным приложением, включающим таблицы со схематическими планами (загона для дойки коз, дома из кирпича-сырца без окон и др.), прорисовки колодцев, земледельческих орудий, домашней утвари и т. п. Материалы приложения удачно иллюстрируют монографию, в частности главы о домашних ремеслах, жилище, одежде, но желательно было бы видеть и цветные рисунки. К сожалению, тираж книги явно недостаточен (1500 экз). Второе, дополненное издание монографии В. П. Курылева будет, несомненно, встречено с удовлетворением специалистами и более широким кругом читателей.

М. Н. Серебрякова

¹ K. Özbel. Türk köylü çoraplar. İstanbul, 1976, s. 13.

² См. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 544—546, 633.